

КОНСТАНТИН КРЮГЕР

ОСЕННЯЯ
НОСТАЛЬГИЯ

РАССКАЗКИ

Константин Крюгер

Осенняя ностальгия. Рассказы

«Издательские решения»

Крюгер К.

Осенняя ностальгия. Рассказы / К. Крюгер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518436-8

Осенью обостряются все чувства и ощущения, а ностальгия — особенно. Память выплескивает яркие эпизоды из прошлого, в основном, позитивного содержания. Сильно тянет пообщаться со старыми друзьями — вспомнить и снова пережить былое. За время жизни в стране и мире произошли серьезные изменения, сильно влияющие на быт и сознание современников, что «не мешает им оставаться замечательными людьми!», согласно присказке «Бамбины».

ISBN 978-5-00-518436-8

© Крюгер К.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
Отзывы	8
Предостережение	11
Предисловие	12
Из цикла: Судьбы человеческие	15
Два новоселья	15
Приключения Петруччио	24
Из цикла: Моя Москва и ее обитатели	30
Красная книга «спасения на трубах»	30
Причудливые явления любви	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Осенняя ностальгия

Рассказы

Константин Крюгер

Редактор Ю. Бирюкова

Дизайнер обложки Ю. Бирюкова

Гобелен на обложке Елизавета Щербинина

Фотографии Б. Плинер, Д. Жук, С. Захаров, Е. Завьялов, А. Бобров

© Константин Крюгер, 2020

© Ю. Бирюкова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-8436-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Моя благодарность неизменно юным духом и жизнерадостным друзьям молодости, затянувшегося периода взросления и дальнейшей «полифонической» жизни не знает границ! Каждая, даже мимолетная, встреча с любым из них вызывает шквал воспоминаний и бурный всплеск жажды жизни в контексте новых свершений. Регулярное появление старых приятелей на ежегодных Книжных Выставках-Ярмарках во время моих автограф-сессий несказанно радует и подтверждает правильность выбранного литературного пути.

Твердо верю, что Андрюшка «Крекс», Колюнька «Ленинский Стипендиат», Мишка «Хиппи», Андрюха «Брат», Шурка «Портос», Мишка «Рыба», Григорий Иванович, Сергуня Робертович, Танюльчик, Олежка «Слоник», Сашок «Штейн», Лариска, Вова, Алёнушка Игоревна, Михаил «Алхимик», Умный Петрович, Сергей Анатольевич, Виталик «Улыбчивый», Игорь Алексеевич, Сашок «Мастер», оба «Афони», Дима «Космонавт», Карлен и Геворк, а также территориально далёкие, но не менее душевно близкие Шура, Лёнька, Наталья и, конечно, родня – Братец Миша, Олег «Сол», Ириша, Катерина и Матушка Мария будут радовать окружающих, по крайней мере, до 120-ти лет.

От души желаю долгой и плодотворной жизни любимому редактору, а также неподкупным критикам моим и рецензентам Александру и Евгению «Джеффу» и литературному мэтру Ильичу, чье постоянное содействие творчеству бесценно.

Долгая память родным и близким, горестно рано оставившим этот замечательный мир. Младший брат Борис, Андрей «Неман», Наталья Шохова, Борис «Ра» Раскольников, Костя «Малыш», Мишка «Нильсон», Эдик «Родственник», Владимир «Бычман», Валерий Василевский, Игорь «Бамбина», Александр «Полковник», Андрей Левин, Николай «Кука», Шура «Помидор», Отец Евгений, Володя «Осташка», Константин «Моська» – останутся в душе навсегда. Их «пепел стучит в мое сердце» и вновь и вновь чудесным образом извлекает из дальних отсеков мозга трогательные воспоминания. К глубокому сожалению, пантеон памяти растет с каждым годом, смыкая ряды оставшихся друзей.

ОТЗЫВЫ

Отлично понимаю, что для «младого племени», я со своими байками-мемуарами выгляжу анахронизмом времен «Очакова и покоренья Крыма». Тем радостнее, что с каждым сборником число откликов от читателей следующих поколений увеличивается в арифметической прогрессии.

Про медика Галку классно! С огромным трудом представляю, как бы сейчас молодые люди пошли на такое развитие событий и устремились искать пса. Невероятно!

Когда читаю Ваше изложение событий тех лет, ощущаю классный винтажный дух, как будто не совсем советский. Я привык к рассказам о том периоде в одинаковых красках и похожих стилях, так, как это описывает большинство советских людей. У Вас иначе, совсем.

Очень понравилось про свадьбу! Смеялся, никогда не видел драк на свадьбах. Хотя, я и драку- то, вообще, в последний раз видел черт знает когда.

А про Керчь все надеялся найти какой-нибудь любовный курортный эпизод, но сюжеты про пельмени и пепси тоже классные!!

Мне вообще интересно все читать и не перестаю удивляться, как это дошло и не расплескалось до 2020 года.

Замечательно, что Вы стали добавлять воспоминания из новейшей истории.

Геворк Даниэлян

Что касается литературных впечатлений, то они есть.

Во-первых, Ты то, что называется «осмелел» – пикантные подробности и по количеству, и по цинизму (здоровому, но все же), и по форме изложения встали в полный рост. И хотя – чего скрывать – это вполне интересный жанр сам по себе, имеющий много поклонников, но он тоже требователен, и здесь, на мой взгляд, пока нет определенности. В итоге впечатление (в отличие от предыдущих работ), что это коллекция сбитых наскоро отрывков, хотя и интересных, но имеющих целью скорее фиксацию фактов «пока не забыли», а не создание литературных произведений.

Несмотря на всё вышесказанное – «Рассказы» и сами по себе – новый и прикольный жанр. Автор чувствует, истории увлекают. Читая их – хочется чуть большего, меньше конспективности что ли и больше «мяса на костях». Но и это уже, конечно, результат, с чем поздравляю!

М. Фокин

Шикарно, просто шикарно! Эпизод с Игорем и рождением «ребенка» – и мажора ввергнет в минор, лишний раз показывая неприглядные стороны жизни.

Достаточно длинная, подробная, с небольшим количеством действующих лиц рассказка. Концовка, резкая и четкая, как последний аккорд, запоминающийся и расставляющий все по местам. Как «гамбургский счет» – вот так, в итоге! Просто и доходчиво! Очень хорошо, очень!

Керчь зашла как «соточка» после вчерашнего. Я все ждал чего-нибудь такого, первой мыслью было какая-нибудь проблема с ключом, уж больно детально он описан, оказалось нет, ничего такого. И хорошо, нет ни «подвигов», ни «событий», ни «слез печали», ни «буйства радости», как это происходит в подавляющем большинстве твоих произведений. Одним словом, я просто отдохнул за чтением рассказы, как, собственно, и вы в Керчи.

КАФ

* * *

Очень греют отклики «из-за бугра» как от старых, хороших знакомых, так и от новых ценителей.

Как никогда, с большим удовольствием, пишу т.н. отклик-рецензию. Потому как, может быть впервые, почувствовал в Тебе настоящего автора, настоящего писателя. Я бы сейчас уже не рискнул назвать эти опусы просто рассказами. Совершенно другой слог, четко прослеживающаяся фабула, полное погружение в сюжет – вот, может быть, что так отличает Тебя сегодняшнего от «вчерашнего».

N.Fishman, Israel

«Самая большая любовь» – великолепно. Пока читал – полностью погрузился в те незабываемые годы. Вспомнил даже несколько давно запечатанных названий и имен. Кайфовал, как в те далекие 15 – 18 лет. Спасибо. Не думал, что настолько проникнусь. Прочел – не отрываясь, даже проехал в подземке свою остановку. Жаль, что осталось не много тех, кто смог бы оценить. Но, пока кто-то из нас еще дышит, уверен – рассказ и та музыка будут живы! Класс!

Оскар Веретильный, США

Параллельный для меня мир с понятными по значению и не более того английскими словами завораживает... слышу знакомую манеру рассказчика, узнаю знакомый стиль... Спасибо!

Татьяна Линд, Швеция

* * *

И, конечно, самое большое удовольствие получаю от впечатлений ровесников, проживших те же годы в таких же условиях и схожих интерьерах.

Читаю – вспоминаю, плачу, смеюсь, удивляюсь, восторгаюсь, горжусь и некоторые моменты анализирую, но это параллельно происходит, и делаю это подсознательно. Видишь, какое сильное впечатление!

Татьяна Ушакова

Долго собирался. Только что дочитал очередной опус.

По-моему стало гораздо лучше: меньше отступлений, уводящих в сторону, всё гораздо четче и яснее. Что называется, «краткость – сестра таланта».

Работаешь уже много лет, количество, как известно, переходит в качество.

Евгений Федюлов

Спасибо, прочитала на одном дыхании.

Наталья Сотникова

Рассказы очень хороши! Получили удовольствие. Особенно смеялись, когда читали и «Эскулапы» и «Любители животных» – это просто блестяще!

Михаил и Наталья Куропатковы

Чтиво увлекло меня «с головой». Я чувствовал образы, а не текст.

Одного не понимаю – всё прочитанное сегодня разительно отличается от всего предыдущего. Без той самой конспективности, без попытки передать

впечатления втискиванием максимума образов в длинные предложения.
Спокойно так, типа Сергей Довлатов.
Кое-что настораживало иногда, но не хотелось погружаться в анализ.
Увлёк сюжет. Многие переживания твои того времени были созвучны с моими.
Я как-будто вернулся в то время. У меня привычка читать со скоростью голоса.
Но мне буквально слышался *твой* рассказ.
Может быть окончания «рассказок» стоило обрывать
не просто текстом, а какой-либо картинкой из твоей памяти.
Молодец. Слог лёгкий, спокойный.
Уже начинаю думать, что я действительно был
в то время «тихий татарин». С позиции твоего раннего, по
моим меркам, взросления. Колорит твоих тогдашних чувственных событий настиг
меня много позже.
Знато. Понравилось всё.

С.А.

* * *

Отдельно выделю рецензии официальных окололитературных лиц

Константин! Отличные рассказы, редколлегия одобрила их в несколько серий. Я вас поздравляю!!!

У вас свой стиль письма, рассказы легко читаются, запоминаются, что важно для читательской аудитории.

Я прочитала лично несколько рассказов, у вас отличный юмор и самое главное, он там – где нужно!

Мне понравились «Жемчужина коллекции» и «Промашка „настоящего“ американца».
Спасибо за проведенное время.

*Кристина Сергеевна Бикташева,
Руководитель PR отдела ИСП*

Предостережение

Эту книгу и все последующие я предвещаю стандартным авторским предостережением:

В книге используются вымышленные имена героев, и автор не несет никакой ответственности за их совпадение с реальными персонажами и деяниями оных в любых интерьерах.

Опять же, знаменитое определение Уинстона Черчилля «Реальность – это галлюцинация, вызванная недостатком алкоголя в крови!» отлично вписывается в общую канву моих опусов.

Во всех предыдущих сборниках я гордо анонсировал:

«Все события, упомянутые в дневниковых записках, происходили при моем непосредственном участии, а фигуранты – друзья, знакомые и родственники. Поэтому присказка „Сам я огурец не видал, но конюх из соседней деревни брехал, что их барин едал и говорил, что вкусно“ – не про эти рассказы. Правда, в некоторых из них автор слегка отступил от 100% - ой истинности, но, отнюдь, „не ради красного словца“, а оберегая особо ранимых и до сих пор „зашифрованных“ персонажей».

Чтобы окончательно «умыть руки», дополняю вышеприведенный абзац:

«Тождественность всех событий и их участников с действительностью – чистая случайность!»

Предисловие

*«Я не знаю, как остальные,
но я чувствую жесточайшую
не по прошлому ностальгию —
ностальгию по настоящему.
я ищу не подобья – подлинника,
по нему грущу, настоящему».*

А. Вознесенский

Все чаще ловлю себя на том, что хочется побрызгать, рассказать молодым, что «были люди в наше время», вслед за поэтом погоревать об утраченных в настоящем ценностях в их нашем и, поэтому, хрестоматийном понимании. К моему огромному сожалению, все больше «голубой экран» и прочая масс-медиа, не говоря уже о серийном низкопробном чтиве, выплескивают на широкое обозрение суррогаты – «всё из пластика, даже рубища», подменяющие крепкую дружбу, чистую любовь и иные высокие понятия. Искажение шкалы ценностей, замещение подлинных идеалов невообразимыми прежде идолами несказанно расстраивают меня и большую часть близких – погодков.

Ровесники мои, верные товарищи, шестидесятилетние «юнцы», традиционно и непременно, оставляя дела и насиженные места в разных частях ставшего таким большим и доступным земного шарика, отмечают каждый год на Гурзуфской «стрелке» и наезжают летом в замечательный Крымский поселок в тщетном стремлении вернуться в прошлое – в те далекие молодецкие дни, когда отношения между людьми были неподдельными и сердечными, и мы верили и доверяли, любили и расставались, и, может быть, главное – радовались жизни, дню сегодняшнему, не особо задумываясь о светлом будущем.

Каждому старшему поколению что-то не нравится в пришедшем на смену, толкающемуся и вытесняющему. Во второй половине прошлого, века моего становления, советский классик Иван Ефремов негодовал по поводу современников, но как хочется процитировать его именно сейчас¹: «Когда-то слово было словом чести, правды... это было необходимым элементом общественных отношений. А теперь слово больше вообще не будет ни для кого убедительным. Это серьезный моральный кризис, назревающий в нашей цивилизации. Противно становится жить, теряешь цель и смысл».

* * *

Ностальгия преследует меня повсеместно и постоянно, но особенно усиливается осенью. В детстве и юности я радовался приходу весны, в молодости с нетерпением ждал наступления лета, которое мы начинали праздновать Первого Мая, а с возрастом любимым сезоном стала «осенняя пора – очей очарованье». Очень радует, что мое отношение к временам года полностью совпадает с точкой зрения обожаемого Паустовского. Я – в замечательной компании.

Осенью резко обостряются все чувства и ощущения, и ностальгия – как никогда. Память выплескивает яркие моменты и целые эпизоды из минувшего, в основном, позитивной направленности. И сильно тянет позвонить старым приятелям – пообщаться, вспомнить и снова пережить былое.

«О, где вы, призраки невозвратимых лет,

¹ Роман «Лезвие бритвы»

Богатство жизни – вера в счастье?!»².

* * *

С одной стороны, за время моей жизни и в стране и в мире произошли громадные преобразования, серьезно влияющие на быт и, главное, сознание современников. С другой – датируемые началом прошлого столетия строки Саши Черного доказывают, что ничего кардинально, в сущности, не изменилось.

*Утро. В парке – песнь кукушкина.
Заперт сельтерский киоск.
Рядом – памятник Пушкина,
У подножья – пьяный в лоск:
Жизнь всё ярче разгорается:
Двух старушек в часть ведут,
В парке кто-то надывается —
Вероятно, морду бьют.*

Более чем через полвека нас с Вовкой «Афанасием», так же как старушек, неоднократно забирала милиция 6 июня у памятника Пушкину, когда уже в середине семидесятых мы бурно отмечали День Рождения великого поэта.

* * *

Ностальгические пристрастия распространяются абсолютно на всё, включая кулинарию. Воспитанный на классических рецептах былинной «Книги о вкусной и здоровой пище», а не на пресловутых «Биг Маках» и прочих отрывках фаст-фуда, я до сих пор с удовольствием вспоминаю детсадовское картофельное пюре и школьные завтраки с микояновскими сосисками.

При этом не считаю себя упертым ретроградом и консерватором и, как большинство старинных друзей, с радостным интересом осваиваю новейшие достижения далеко шагнувших вперед науки и техники, существенно облегчающих существование в нынешнее, перегруженное информацией время.

Наше поколение, воспитанное на классической отечественной и зарубежной литературе, на мой, не самый объективный взгляд, проникнуто большей духовностью и иными высокими материями, чем последующие. Мудрые «светочи знаний» призывают не прибегать к обобщениям, опять же согласно народной присказке «во всякому чину по сукину сыну»³, но мне кажется, что среди одноклассников, сокурсников и других сверстников преобладают честные, глубоко порядочные люди с приличным образованием и патриархальным (в хорошем смысле) воспитанием.

* * *

От души надеюсь, что мои дочери, их приятели и подруги, также как и дети друзей и товарищей пополнят когорту думающих, совестливых и трудящихся на благо Отчизны индивиду-

² Е. А. Баратынский

³ Везде встречаются нехорошие люди

мов. А мои графоманские потуги помогут им оценить степень доброты, заботливости и искренности прочих чувств, присущих поколению их родителей.

«И как нашел я друга в поколеньи,
читателя найду в потомстве я».

* * *

Чтобы предисловие не оставило неприятного осадка старческого бурчания: «И солнце было ярче, и небо голубей, и в омут с головою бросались мы смелей!», завершаю его замечательными строфами Розенбаума: «Не жалею, что живу я часто как придётся. Только знаю, что когда-нибудь, в один из дней, Всё вернётся, обязательно опять вернётся – И погода, и надежды, и тепло друзей».

Из цикла: Судьбы человеческие

Два новоселья

Светлой памяти М. Щ.

Дружба – дорога с двусторонним движением. Это мое твердое убеждение и знание. Любовь может быть неразделенной, но не дружба. Она всегда взаимна.

Этой рассказкой я отдаю дань памяти одному из самых близких друзей юности и молодости, чья беззаветная и бескорыстная поддержка ощутимо помогла преодолеть трудности периода возмужания и становления. На собственном примере Митька научил очень многому – бескомпромиссности и умению отстаивать свои идеалы в ущерб личному благополучию, решительной независимости и умению радоваться жизни, презирать мещанские условности и проживать каждый день как последний. Он же внес весомый вклад в мое неприятие наркотиков, за что я ему благодарен «по гроб жизни».

* * *

Отгремела Московская Олимпиада, заменившая обещанный к 1980-му году коммунизм, и столица медленно, но верно приходила в себя. Убывающее лето еще радовало теплом, но зачистившие дожди уже пахли сентябрем. Пригнувшись в низком кузове крытого брезентом старенького бортового «Газика», я принимал от Митьки «Нильсона» выдавшие виды предметы мебелировки его бывшей комнаты в родительской квартире. С формулировкой «в целях улучшения жилищных условий Щ. Василия Павловича» мой друг получил МосСоветовский ордер на однокомнатную квартиру улучшенной планировки в новой желтого кирпича башне в районе Грузинских улиц. Василий Павлович, отец Митьки, руководил отделом строительства МГК КПСС и ютился теперь с женой и младшей дочерью в стометровой квартире с колоннами, двумя сануздами и панорамным видом на Октябрьское Поле из окон огромного «ЦК» -ского дома на улице Алабяна.

* * *

Подружились мы с «Нильсоном» в 1974-м году, с тех самых пор, как впервые встретились у общего товарища Кости «Мальши». Приметное обличье – рослый длинноволосый «скандинав» – наградило владельца необычным прозвищем. В тот период Митька временно проживал у Кости после очередной ссоры с отцом. По натуре «Нильсон» оказался бескомпромиссным борцом с существующим строем, что, главным образом, выражалось в эмоциональных дебатах с родителем, идеологические ценности которого сын категорически не принимал и всячески высмеивал.

Горячие споры нередко перерастали в «товарищеские недоразумения», в которых, эпизодически употребляющий «расширяющие сознание» вещества, но крепкий сын всегда брал верх над регулярно выпивающим и неспортивным Пальчем. Как правило, на следующий день после драки отец вызывал «чумовозку»⁴ и Митьку этапировали в 15-ю психиатрическую больницу на Каширке, где подвергали принудительному лечению аминазином, трифтазином и про-

⁴ СпецСкорая

чими, запрещенными в цивилизованном мире препаратами. Даже не самое длительное пребывание в закрытом стационаре оставляло неизгладимый след в сознании пациента, так же как и пугающий диагноз в его личном деле. Правда, благодаря тому же всемогущему отцу у Митьки в военном билете стояла неснимаемая легкая статья 8 «Б», полностью исключающая службу в СА, но не особо мешающая нормальной жизни.

* * *

К счастью, Митрий обладал весьма стойкой психикой, и проведенное «лечение» на него практически не действовало, в отличие от остальных сокамерников по «палате №6»⁵.

По выходу из лечебницы «Нильсон» забирал из отчего дома небогатые пожитки, основную часть которых составляли виниловые диски любимых групп, и перебирался на жительство к кому-нибудь из друзей.

В отличие от обитающего в коммуналке «Мальшиа», я прожил в изолированной комнате отдельной трехкомнатной квартиры, и Митька с удовольствием перебазировался ко мне. При его патологической любви к чистоте и затяжным водным процедурам свободная ванная комната представляла особую ценность. Моя Мама, через неделю после его заселения, шутила: «Если все произошло от обезьяны, то Митя, вне всякого сомнения, от утки!».

Бросающаяся в глаза внешность «Нильсона» регулярно привлекала внимание бдительных стражей порядка и нездоровый интерес всевозможной «урлы»⁶, поэтому Митька постоянно находился в бойцовом настроении. Особой обходительностью в общении он не отличался, из-за чего большинство малознакомых персонажей предпочитали держаться от него подальше.

Но в дружественном окружении он совершенно менялся – становился чрезвычайно вежливым и даже заботливым индивидуумом. С книгами «Нильсон» дружил, любил рассуждать и спорить о прочитанном, обожал рок-музыку, особенно группу «Jethro Tull», и к любому занятию относился предельно серьезно, что очень нравилось моему Папе, когда они на пару перестроили старинный обеденный стол в теннисный.

Мы с «Мальшиом» проживали в одном дворе и всегда жили на два дома, поэтому появление еще одного едока ни его, ни моих родителей не беспокоило. Они отнеслись к ситуации с пониманием, Папа поставил в мою комнату раскладушку, которую «Нильсон» каждое утро аккуратно складывал и убирал за шкаф. Он в то время трудился лаборантом в Тимирязевской Академии, куда собирался поступать осенью назло родителю, предложившему на выбор безбедное обучение в нескольких престижных столичных ВУЗах, включая МГИМО.

* * *

Между двух огней регулярно оказывалась Митькина мать, которая очень жалела сына, но не могла сказать слова поперек властному и не очень мудрому мужу. Несмотря на два высших образования – ВПШ⁷ и заочное отделение МИСИ⁸, Палыч недалеко ушел от передового слесаря – активиста, которым начинал стремительную комсомольско-партийную карьеру. Несмотря на облагороженный внешний вид, солидный импортный костюм, белоснежную сорочку и галстук, во всем остальном Митькин отец оставался «незатейлив, как

⁵ Приложение

⁶ Хулиганье, шпана

⁷ Высшая Партийная Школа

⁸ Московский Инженерно-Строительный Институт

молодой редис⁹» и «простым, как правда». По выходным, да и не только, любил «заложить за воротник», при этом тщательно выбирая закуску и постоянно напоминая участникам застолья о своем высоком положении: «Гришин¹⁰ терпеть не может, когда на утреннем совещании чесночным перегаром воняет!».

Меня Василий Павлович недолюбливал. Во-первых, он во всем следовал политике государства, в том числе и неприкрытому антисемитизму, а, во-вторых, не мог простить унижения, нанесенного моим Папой. В период проживания Митьки у нас, Палыч решил перекрыть сыну возможность «эмиграции», поговорив серьезно с моими родителями.

Папа отличался немногословностью, чеканным построением фраз и не любил затяжных телефонных разговоров. Чтение лекций в заводском филиале Университета Марксизма-Ленинизма было одной из его партийных нагрузок. Выслушав напыщенную тираду про отбившегося от рук и ни в грош не ставящего заслуги своего орденоносного и заслуженного родителя подростка, которому потакают несознательные граждане, Папа одним предложением умерил пыл звонящего: «Необходимо правильно воспитывать подрастающее поколение в лучших традициях Ушинского и Макаренко на примерах великих сынов нашей Отчизны, чтобы не было стыдно и больно впоследствии!». Палыч не нашелся, что ответить на данный постулат по существу и попытался решить вопрос начальственным криком. Папа вежливо попрощался и положил трубку. Узнав по закрытым каналам о неприкасаемости оппонента, Василий Павлович «затаил в душе некоторую грубость»¹¹.

* * *

Периодически в «образцовой» семье наступало перемирие, и Митька возвращался в отчий дом. Но идиллия, как правило, длилась недолго, до очередного принципиального спора. В запале Палыч применял запрещенный прием: «Ты за свои наркотики готов задницу подставить!». Естественно, после таких слов удержать воинствующего гомофоба¹² «Нильсона» от мордобоя не мог никто.

После очередной отлежки сына в «15-шке» Палыча понизили до второго секретаря Советского РК КПСС, и он понял, что дальнейшее совместное проживание весьма чревато. Спустя небольшой период проверенный номенклатурный кадр восстановили в прежней должности, и в Олимпийский год он отвечал за возведение спортивных и сопутствующих объектов. Справился Василий Павлович с поставленной задачей вполне успешно, за что был награжден Орденом Ленина. На гребне успеха, воспользовавшись удачной ситуацией, отец, наконец, сумел разрешить наболевшую проблему и улучшил собственное жилищное положение за счет отселения сына-бунтаря.

* * *

По полупустым улицам летней Москвы мы домчались до новостройки в одном из Тишинских переулков за полчаса. Дом выглядел незаселенным – Митька получил ордер одним из первых. Внос и расстановка мебели и прочего скарба заняли полчаса: потрепанный жизнью диван и секретер мы определили в комнату, а стол с парой табуреток и выданный Митькиной мамой

⁹ Цитата О'Генри.

¹⁰ 1-ый секретарь МГК КПСС – «Хозяин Москвы».

¹¹ Цитата М. Зощенко

¹² В те времена в УК РСФСР присутствовала 121 статья за мужеложство. И государство и общественное мнение всячески осуждали однополые интимные отношения. Большинство граждан относились к приветствуемому ныне в силу широко распространеннейшей «толерантности» явлению вполне индифферентно, но Мишка был настроен категорично и сразу лез в атаку.

минимальный набор хозяйственной утвари – на кухню. Главную ценность – вертушку «Unitra» с двумя колонками – временно установили на подоконник. И поспешили в магазин.

В ближайшем гастрономе на Большой Грузинской, мы впрок затарились несколькими банками болгарской фасоли в томате, килограммом «Школьных» сосисок (Митька изредка тяготел к диетпитанию), тремя бутылками «Столичной», четырьмя пива и одной «Боржом». И под усиливающимся теплым дождем поспешили справлять новоселье.

Уже после пяти скупых мужских тостов, как и следовало ожидать, потянуло на женскую ласку, и мы по очереди начали названивать тогдашним пассиям. Митька женился с Людмилой, с которой познакомился во время летних каникул «в Сочах», куда его сманил завсегда́тай южных достопримечательностей «Мальш». Курортный роман перерос в затянувшиеся отношения, периодически находящиеся на грани срыва из-за Людкиного настойчивого желания «окольцевать» милого дружка. Я же поддразнивал с коллегой по работе Еленой из удаленного филиала, дабы не нарушать железное правило «не из своего отдела и не ближе пяти кварталов от дома». Обе дамы пообещали вскорости объявиться.

К окончанию первого литра проснулся зверский аппетит, и единогласно решили пожарить сосиски. Новостройку оснастили электрическими плитами, с которыми до этого ни мне, ни Митьке сталкиваться не приходилось. И когда внезапно «вырубился ток», что не сразу, но стало понятно по внезапно наступившей тишине, сменившей оглушительное звучание альбома «Aqualung» любимой группы, причину случившегося мы определить не смогли. Зато соседи из смежной квартиры отлично сумели «сложить два и два» – наше заселение и отключение электроснабжения, поэтому немедленно примчались с претензиями. Боевого настроения нам с «Нильсоном» было не занимать, поэтому рукопашная завязалась прямо на лестничной клетке. Правда, самому соседу и приехавшим на новоселье двум братьям с супругами удалось сначала оттеснить нас в коридор Митькиной квартиры, но своевременное появление Людмилы, пообещавшей без промедления вызвать милицию, приостановило дальнейшее развитие побоища. К приезду Ленки я отмачивал холодной водой расцветающий синяк на правой скуле, так что пылкое проявление её горячего сострадания задержало нас в ванной на некоторый период.

Именно в это время начался второй раунд «товарищеского недоразумения». Соседи надумали установить нормальные отношения и пришли извиняться. Но Митька об этом предупрежден не был, поэтому воспринял примиренческий визит неправильно. Первым же ударом он сломал нос старшему из братьев, а Людка удачно отмахнула следующего нападавшего старой чугунной сковородкой, так что к моему появлению из ванной исход боя был предreshен. И отмечание новоселья плавно перешло в празднование победы, завершившееся крепким сном – Митька с Людкой на единственном диване, а мы с Ленкой в спальном мешке на полу кухни. Но в молодости на мелкие житейские неудобства внимания не обращаешь!

* * *

В «центрах» «Нильсона» знали все. Неординарная наружность привлекала внимание представительниц прекрасного пола всех мастей и возрастов. Однажды на Тверском бульваре нас атаковала гиперактивная ассистентка режиссера, как выяснилось позднее. В результате Митька снялся в массовке «иностраных хиппи» в фильме «Райские яблочки».

Одевался Митька нестандартно, исходя из невеликих возможностей. Еще вполне приличный штучный белый «Levi's» дополнял сшитый умельцем «Мальшом» сверхмодный парашютного шелка батник, заношенный сверх всякой меры и прикрытый сверху костюмным пиджаком маренго с отцовского плеча. Когда талантливый «Мальш» сконструировал нам обоим «последний писк» – приталенные ковбойские рубахи из красно-бело-синей шотландки, мы гордо рассекали в одинаковом «прикиде» навывпуск, как «двое из ларца».

На старших курсах из-за военной кафедры «Нильсону» пришлось подстричься. С короткой причёской, в заношенном пиджаке и с присущей ему агрессивностью речи и поведения, он выглядел представителем именно той, глубоко презираемой им «урлы», что регулярно возникало в пограничных ситуациях.

На «стриту»¹³ мы регулярно посещали «Пельменную» в проезде Художественного Театра¹⁴, в основном, с целью употребления спиртных напитков¹⁵. В один из заходов, привычно взяв две двойных порции пельменей с уксусом (масла или сметаны почему-то не захотелось) и два кофе со сгущенкой (из-за потребности в стаканах), мы сразу выпили обжигающее, приторное пойло. Митька под стойкой наполнил в край гранёные сосуды «белой», бутылку из-под которой немедленно забрала местная уборщица «Тётя Маня». По соседству группа модно разодетых «пионеров»¹⁶, бросив под ноги импортную яркую сумку, шумно разливала портвейн и пренебрежительно и брезгливо разглядывала нас, озирающихся «работяг». «Пельменная» глядела на улицу огромными окнами в пол и просматривалась насквозь, что регулярно привлекало бдительных стражей порядка. В этот раз внутрь стремительно ворвался наряд милиции, и с возгласами «Распитие?!» блюстители начали рыскать по залу. Как по команде, мы с «Нильсоном» залпом вбросили сорокаградусный напиток и дружно воткнули вилки в пельмени, синхронно обмакнув их в плошку с засыхающей горчицей. Просканировав скромную трапезу, милиционеры без всякого интереса миновали наш столик и окружили застигнутых врасплох модников, после чего этапировали всю компанию в отделение под насмешливым Митькиным взглядом.

* * *

Через пару месяцев «Нильсон» вполне обжился на новом месте и тщательно изучил ближайшие окрестности. Самым притягательным оказался Клуб Трехгорки, до которого от Митькиного дома ходу было минут семь. В те времена в небольших и неприметных очагах культуры регулярно случались не анонсируемые полуофициальные концерты рок-исполнителей и втихомолку проходили сеансы иностранных кинокартин, не допущенных к прокату широким экраном. Мы с удовольствием отметились на «сейшене» Мониной со сборным коллективом, но существенно сильнее зацепил просмотр итальянского фильма «Площадь Сан-Бабила, 20 часов». После него я еще сильнее возненавидел любые проявления фашизма и неонацизма и твердо уверился в постулате «Добро должно быть с кулаками!». Кроме идеологического воздействия картина в значительной мере повлияла на дальнейшую форму одежды и надолго привила любовь к армейским паркам, клешёным джинсам и тупоносым ботинкам, по моде итальянской лево – ориентированной молодежи. К персонажам в узконосой обуви со скошенными каблуками и зауженных джинсах в обтяжку я долго относился с подозрением.

* * *

Митька посещал занятия на военной кафедре, невзирая на статью в военном билете, и с целью ее снятия на пятом курсе отлежал две недели в Лефортовской больнице. После чего провел месяц в армейских лагерях под Калинин¹⁷, куда я с молодой женой Галиной

¹³ Улица Горького – ныне Тверская

¹⁴ Ныне Камергерский

¹⁵ Мне кажется, что в книжке «Занимательная наркология» Макаревич детально описывает именно эту точку общепита.

¹⁶ Начинающие посетители «стрита».

¹⁷ Ныне город Тверь. Приложение К счастью, Митрий обладал весьма стойкой психикой, и «лечение» на него практически

и прижнувшейся Людмилой на выходные вырвались его навестить. Гостеприимный «Нильсон» выпроводил сокурсников из десятиместной палатки, где мы практически безвылазно провели два незабываемых дня. Утром воскресенья Галка с Митькой решили посетить продуктовый ларек с целью восполнения заканчивающейся закуски, на полпути им встретился пьяный в дым низкорослый дежурный офицер-бурят. И сразу пристал к Галине: «Курсант! Смирно! Как фамилия?! Почему одет не по уставу?!». Красавица супруга опешила, а верный себе «Нильсон», во избежание дальнейших неприятностей, одним ударом погрузил вахтенного капитана в глубокий сон, вызвавший у незваного спарринг-партнера ретроградную амнезию. Происшествие никоим образом не помешало получению Митькой заслуженного лейтенантского звания.

не действовало, в отличие от остальных сокамерников по «палате №6». Один из них, Игорь «Швед» после непродолжительного пребывания в закрытом стационаре совершенно подвинулся рассудком и проявлял все признаки вялотекущей шизофрении в сочетании с явной наркозависимостью. Шестнадцатилетний подросток гулял с первой любовью в Измайловском парке. Внезапно неподалеку из дебрей зеленого массива раздались сдавленные крики «Помогите!». Не желая в глазах зазнобы выглядеть трусом, Игорь помчался на зов. Крупный мужчина пытался заломать даму средних лет. Мощным ударом насильник снес неожиданного спасителя с ног и продолжил «забавляться» с жертвой. «Швед» достал из кармана перочинный ножик, приберегаемый на «всякий пожарный», и наугад ткнул мужика в мощную ляжку. К несчастью, лезвие рассекло бедренную артерию, и к приезду скорой, вызванной прибежавшими на истошный крик подружки Игоря милиционерами, невезучий громил скончался от потери крови. Влиятельные родители, дабы помочь сыну избежать тюремного срока, поместили его на обследование в поднадзорное отделение психиатрической больницы, откуда он вышел психически нездоровым и законченным наркоманом. Звонок «Шведа» застал нас с «Малышом» врасплох: «Кости! Вам джинсовый комбинезон не нужен? Я только что у „бундесов“ заутюжил!». После выяснения размера и цены мы с Костей рванули на Пушкинскую, где договорились встретиться с продавцом. Возле памятника ожидал Игорь в компании очередной симпатичной барышни. Его востребованности у прекрасного пола можно было позавидовать: и совсем молоденькие девчужки и зрелые дамы сразу очаровывались тонкими правильными чертами лица, поджарой фигурой и деликатным обращением. «Показывай!», – в один голос выдохнули мы с тезкой. «Что?». «Комбинезон!». «Какой комбинезон?!». «Джинсовый!». В этот момент по совершенно искреннему удивлению Игоря стало ясно – в реальности вожаемого джинсового изделия не существует, но в момент звонка «Швед» был твердо убежден в его наличии. Преподнесение желаемого как действительное стало одной из особенностей психики Игорька, к которой окружающие со временем привыкали. Вся последующая и, к сожалению, очень недолгая жизнь Игорька представляла собой цепь отлежек в «психушках» и завершилась «передозом».

К окончанию академии его отношения с отцом нормализовались, и Палыч даже помог с «эксклюзивным» столичным распределением. «Нильсона» определили экскурсоводом в павильон «Земледелие» на ВДНХ, куда я регулярно приезжал на провед. После перерыва на обед, состоящего из портвейна с чебуреками, мы возвращались на его рабочее место, и я катал похвальные отклики в книгу отзывов, причем, при превышении нормы употребленных напитков – на английском языке от группы иностранных туристов.

* * *

Жизнь надолго развела нас. Митька с подачи отца уехал в длительную заграничную командировку, там женился, родилась дочь. По возвращении – семейные хлопоты, новое трудоустройство, другие интересы. Моя жизнь шла ни шатко, ни валко, без особых катаклизмов. Первый брак, рождение дочери, служба в закрытом НИИ, затем развод, работа на ЗиЛе, второй брак, «времена большого перелома», смена строя, организация и развитие полиэтиленового производства на заводе им. Орджоникидзе, появление на свет второй дочери.

Весной 2004-го, разбирая старый письменный стол при переезде на новые квартиры, я нашел выпавшую из ящика и валявшуюся на дне тумбочки записную книжку давних лет, испи-санную от корки до корки телефонными номерами, которые я когда то знал назубок. Позвонив наудачу, я расчувствовался до слез, услышав ни на йоту не изменившийся голос «Нильсона». Он оторопел от неожиданности, и мы сразу договорились встретиться: «И так много времени потеряли!». Как выяснилось, по городскому номеру я застал его чудом – большую часть года Митька проводил на любимой «фазенде». И хотя он давно устранился от полученной специальности «ученый агроном – почвовед», привитая в Тимирязевке тяга к «сельской местности» осталась.

Но увидеться быстро не удалось – мне предстояла затяжная командировка в Юго-Восточную Азию. Успешно заказав оборудование, по возвращении я сразу окунулся в накопившиеся дела и проблемы. Чтобы их разгрести, потребовалось определенное время, и только к середине июня мне удалось вырваться к «Нильсону» в ближнее Подмосковье.

* * *

Наконец, спустя двадцать с лишним лет мы встретились. Внешне Митька заметно изменился: появились глубокие залысины, но по-прежнему длинные волосы он собирал на затылке в хвост. Юношескую поджарость сменило объемистое телосложение. Зато во всем остальном, в сразу узнаваемой прямолинейности общения, в сохранившейся легкости на подъем и даже мимикой и жестикой остался прежним.

И снова отмечали новоселье – «Нильсон» завершил строительство загородного дома своей мечты. Примечательное строение напоминало неоднократно виденный в американских вестернах салун. Вытянутое одноэтажное здание с трёх сторон окружала веранда, огороженная дощатым настилом. Распахивающиеся дверцы выходили на выложенную плиткой дорожку, ведущую к расположенному посреди облагороженного участка искусственному пруду. Центральная треть дома представляла собой тщательно отделанную полноценную русскую баньку, выход из которой приходился точно на вращающиеся дверцы. Слева от неё находилась объединенная со столовой просторная кухня с отдельным входом, а справа – обособленные жилые апартаменты.

Компанию Митьке составлял совершенно жуткого вида крупный стаффордширский терьер Брюс, тяготеющий к хозяину габаритами в силу «легкой» перекормленности, что не мешало ему совершенно бесшумно и стремительно передвигаться по участку. Воспользовавшись объявленной «дачной амнистией», Митька прирезал к имеющимся пятнадцати сот-

кам еще столько же от примыкающего к владениям дремучего леса. Но еще не успел обнести «новые территории» забором, а только вкопал межевые столбы. Наличие грозного сторожа позволяло не беспокоиться о визитах непрошенных гостей – пёсик наводил ужас на весь поселок.

Хотя я приехал с «богатými дарами», после первых объятий, приветственных тостов и дружеского обсуждения было принято решение проехать до ближайшего магазина в соседней деревне, чтобы потом уже не прерываться по пустякам. Митька резво влез в джип «Исузу Трупер», на соседнее с водителем место молниеносно вспрыгнул Брюс, меня оставили на хозяйстве.

Практически сразу после их отъезда на участок пожаловала целая делегация из восьми гастарбайтеров из Средней Азии, которым хозяин требовался «до зарезу». Привычно опершись о перила веранды, они застыли в терпеливом ожидании, негромко переговариваясь на своем наречии. Появление Митьки, а скорее собачки, резко изменило диспозицию, и я, наконец, понял, для чего нужна загородка веранды. Все пришельцы разом вскочили на насест и замерли, боясь пошевелиться. С годами Митькина «деликатность речи» не сильно изменилась: «Чего надо? Никто не приглашал!». Старший, с опаской оглядываясь на пса и не покидая «высокого положения», заискивающе доложил «Нильсону», что поставленную задачу выполнили и, поэтому, хотят получить причитающуюся оплату. «Ладно! Идите к себе! Потом приду, гляну и рассчитаюсь!».

Выяснилось, что многие соседи, оценив Митькин аграрно-строительный профессионализм и редкую «обходительность», регулярно обращались за помощью в пригляде за проводимыми на их участках работами по возведению построек и благоустройству, а также доверяли проводить оплату труда наемных работников. За «авторский надзор» «Нильсону» полагалась «малая толика», неплохо дополняющая основной заработок. Много лет назад Митька занялся ландшафтным дизайном, на ниве которого вполне преуспел. Первое общение с потенциальным клиентом осуществлялось исключительно по электронной почте: «Ты не представляешь, какие упёртые (чу) даки попадают! Прямо в репу сунуть хочется!». После прихода к консенсусу и заключения договора опытный ас землеустройства готовил проект и объезжал знакомые и надежные питомники с рассадой и саженцами. Личный контакт с заказчиками «Нильсон» норовил свести к минимуму, оберегая нервную систему.

Этой и прочей занимательной информацией Митька поделился во время последующего приготовления и употребления шашлыка под обильную заправку на обрубках бревен специально оборудованной мангальной площадки. После второй поллитровки обоим стало казаться, что двух декад разлуки как и не было, настолько теплым и доверительным стало общение. Перебивая, делились общими воспоминаниями, пересказывали друг другу события проведенных врозь лет, помянули ушедших друзей, хвалились успехами дочерей, веселились, грустили, хохотали. «Брюс» удобно устроился у меня в ногах и периодически выпрашивал куски мяса, пихая лобастой головой.

Дальнейшее посещение парной и купание нагишом в пруду окутано туманом, также как и бурно проведенные последующие сутки. Расставались со слезами, правда, «на посошок», «стременная», «на ход ноги», «придворная» и «заворотная» сильно поспособствовали задушевности прощания.

После этого в каждый приезд в Москву «селянин» отзванивался, и я наведывался в давно знакомую квартиру на Тишинке. Регулярные встречи в столице проходили не столь бурно, тем более, что Митька регулярно жаловался на одышку и болезненные ощущения в области сердца. У него с юных лет сохранилось резко отрицательное отношение к врачам, поэтому стоило больших трудов убедить «Нильсона» показаться хорошей знакомой, светилу кардиологии. Но он клятвенно заверил, что после моего возвращения из очередной командировки, ляжет в её медицинский центр на обследование.

Вернувшись через три недели, я не смог дозвониться Митьке ни по домашнему, ни по мобильному. Дней через десять, совсем уже отчаявшись, я в «Одноклассниках» выискал его дочь, сообщившую, что сердце Отца не выдержало.

За три месяца до трагического скоропостижного ухода в вечность «Нильсону» стукнуло пятьдесят.

* * *

Я несказанно благодарен судьбе, позволившей через много лет нам с Митькой встретиться и хоть ненадолго снова окунуться в атмосферу искреннего братского общения, возвратившую нас в бесшабашную юность.

Каждый раз после посещения семейного захоронения на Востряковском кладбище я обязательно захожу к «Нильсону», упокоившемуся недалеко от храма Михаила Архангела. Митька забрал с собой огромный по значимости отрезок нашей общей жизни.

Приключения Петруччио

«Я взял от алкоголя больше, чем он забрал у меня!».
Уинстон Черчилль

В Советские времена Московский Авиационный институт среди прочих ВУЗов столицы выделялся особым отношением к здоровью студентов. Произнесенная на Дне Первокурсника 1-го сентября краеугольная и основополагающая фраза тогдашнего Ректора «Нам нужнее здоровые троечники, чем Ленинские Стипендиаты, стоящие одной ногой в могиле!» полностью определяла «modus vivendi»¹⁸ любого Маёвца, от вчерашнего абитуриента до дипломника. Физкультура являлась профильной дисциплиной, что подтверждала расхожая шутка: «МАИ – спортивный институт с легким инженерным уклоном». Зеленых первокурсников сразу распределяли по секциям, исходя из предыдущего опыта или выявленных пристрастий.

Благодаря серьезной подготовке сборные команды института гремели на всю страну и занимали призовые места на различных турнирах и состязаниях всех уровней. Времена первенства вузовской команды в водных видах спорта, отмеченного популярным телефильмом «Королевская регата»¹⁹, в пору моего студенчества уже прошли, но Маевцы уверенно побеждали в соревнованиях по легкой атлетике, регби и бобслею. В нашей группе овладевал знаниями знатный регбист, а в параллельной – двое бобслеистов и рекордсмен по прыжкам в высоту. Естественно, они имели всяческие преференции в учебном процессе, вплоть до переноса сессии. Опять же, перспективные спортсмены почти поголовно получали повышенную стипендию, да и бесплатные талоны на усиленный обед значительно способствовали безбедному существованию.

Между сборами и выездами на соревнования «неприкасаемые» худо-бедно посещали лекции и семинары. На втором курсе во время каких-то практических занятий я подружился с длинноногим прыгуном Петей. За зашкаливающий кураж, а, главное, из-за отчаянной жестикуляции во время товарищеских бесед, среди сокурсников он проходил как «Петруччио», чему дополнительно способствовала вполне итальянская внешность. В то время он решительно не употреблял спиртного, упорно тренировался и регулярно исчезал из поля зрения на неделю-другую.

¹⁸ Образ поведения

¹⁹ Студенческая комедия, 1966 год

По возвращении Петр вливался в процесс овладения знаниями, как ни в чем не бывало, и благодаря приличным способностям и настойчивости быстро нагонял пропущенное. Как-то он появился в Альма-матер в «писке» моды – потрясающего цвета темного индиго джинсах клеш неизвестного бренда с «хулиганскими»²⁰ карманами. Я тогда сам «себе немножко шил на дому», к тому же приятельствовал с центровыми «утюгами»²¹ и не без оснований считал себя знатоком «фирмы» и последних веяний моды. Меня очень заинтересовала Петькина обнова. Как выяснилось, он вернулся с Универсиады в Швеции, где весьма неплохо выступил и слегка прибахлился. На студента закрытого ВУЗа, давшего подписку о категорическом запрете на общение с иностранцами, и хорошо представлявшего, что в течение ближайшего десятилетия (в лучшем случае) никакие выезды «за бугор» ему не светят, сообщение Петруччио произвело шоковое впечатление. Но в заграничные вояжи отправляли только отличившихся спортсменов, показывавших рекордные результаты, а середнячку, потом и кровью зарабатывающему в институтской боксерской секции разряды и звания, зарубежные турне не светили.

На третьем курсе в семье Петра случилось несчастье: скоропостижно скончался еще совсем молодой отец, с которым сына роднили крепкая мужская дружба и на редкость доверительные отношения. Горе жутко повлияло на Петьку – он запил и пустился во все тяжкие. Забросил спорт и учебу и только чудом не вылетел из института. Но, время если не лечит, то помогает. Постепенно Петруччио, в немалой степени, благодаря присущему ему оптимизму и жизнерадостности, вернулся к нормальной жизни, но со спортом окончательно завязал, чего не скажешь о «веселящих» напитках. Мы с ним вволю попили пива «с прицепом» в «Пиночете»²² и покуролесили на «сейшенах» по всей Москве.

²⁰ Брючные карманы – слэнг.

²¹ Фарцовщики, промышляющие покупкой носильных вещей у иностранцев и продающие их гражданам за совсем другие деньги.

²² Пивной зал около факультета на углу улицы Панфилова.

* * *

В начале четвертого курса меня выбрали в комиссию по разбору персональных дел «отличившихся» комсомольцев при факультетском бюро ВЛКСМ. Диапазон рассматриваемых случаев широтой не отличался. Первой причиной, регулярно приводящей к еженедельному сбору комиссии, являлись «телеги» из милиции, оповещающие о «не примерном» поведении студента факультета в нетрезвом состоянии и призывающие разобраться в установленные сроки с вопиющим фактом попрания социалистической морали. Подобные сигналы много времени у членов комиссии не занимали, процедура была отработана годами: при легком несоблюдении общественного порядка возмутителю спокойствия грозил выговор по комсомольской линии, при более серьезных правонарушениях – вплоть до исключения из рядов «передовой» молодежи, что автоматически приводило к отчислению из института.

Второй и более занимательный повод для обсуждения представляли письма от родителей «потерпевших» девушек, имевших «обоснованные» претензии к нашим студентам. Все они несли с небольшими вариациями примерно одинаковое содержание: «Имярек такой-то, студент N-го курса вашего факультета, в прошлом году познакомился с нашей дочерью Ириной (Мариной, Светланой, Людмилой ...), студенткой Пищевого института. Он регулярно навещал ее в общежитии, расположенном по соседству с вашим факультетом. Сейчас наша дочь находится на четвертом (пятом, шестом, седьмом ...) месяце беременности, а Имярек прервал с ней всякое общение. Убедительно просим принять меры!». Особо заковыристые вариации текста часто вызывали улыбки, а иногда и веселье у строгой комиссии: «... прекратил с дочерью все возможные сношения, что ее очень раззадорило и ужасно расстроило!».

Более романтический и пространный образец повествования отличался массой подробностей: «Моя красавица-дочь, только закончившая десятый класс, готовилась к вступительным экзаменам в Университет на берегу нашей реки Волги, где и познакомилась с загорающим студентом вашего института, приехавшим на каникулы к своим родителям. Молодой человек взялся помогать Олечке (Танечке, Валечке, Ларисочке ...) с подготовкой. Но его репетиторство ни до чего хорошего не довело. Когда Олечка (Танечка, Валечка, Ларисочка ...) сообщила Имяреку о своей беременности, он повел себя бессердечно. Негодяй без чести и совести теперь нарочно подал заявление в ЗАГС с дочкой нашего участкового врача, наверное, с целью фиктивного брака. Просим вас восстановить справедливость и надлежащим образом повлиять на коварного соблазнителя невинных девушек!». Но и для таких непростых случаев имелись заготовленные решения.

Виновник вызывался на ковер и подвергался допросу с пристрастием, точно по Галичу: «А из публики кричат: Давай подробности! Все, как есть. Ну, прямо – все, как есть!²³». Наш факультет на 90% состоял из парней, и комиссия, соответственно, исключительно мужская. В дружественной атмосфере собрания незримо витал образ служивого из расхожей поговорки²⁴, и к «герою-любовнику», как правило, относились с пониманием и сочувствием, тем более, что никоим образом повлиять на случившееся уже не могли. Обычно заявителям отправлялось на бланке факультета официальное послание: «Уважаемые товарищи! Со студентом Имяреком проведена строгая разъяснительная беседа, приняты соответствующие меры воздействия, и он примерно наказан». Хотя, на моей памяти, произошло два случая «чудесного исцеления» – после проведенной беседы о недопустимости аморального поведения оба ответчика одумались и сочетались счастливым браком с потерявшими всякую надежду истицами.

²³ Песня А. Галича «Красный треугольник».

²⁴ «Пошутил солдат (служивый) с девкой – она и родила!».

В марте по нашему потоку прополз слухок, что на Петруччио пришла бумага из милиции с обвинениями в спекуляции. Мы с Петькой надолго зависли в «Пиночете», уединившись в углу, дабы никто не мешал строить непробиваемую версию досадного происшествия.

В приложенном к официальному письму (со стандартным требованием «принять надлежащие меры и отчитаться») протоколе сообщалось, что «во время регулярного рейда по борьбе со спекуляцией у входа в «Детский Мир» был задержан студент вашего ВУЗа с десятью подарочными изданиями сказки «Буратино». Когда на заседании Петра попросили доложить, как он «докатился до жизни такой», его убедительные объяснения заставили комиссию решать непростую задачу.

«У любимого племянника должен был состояться первый юбилейный День Рождения – 5 лет. Зная, что книга – лучший подарок, я в субботу с утра пораньше поехал в книжный отдел Детского Мира на Дзержинку. Но, ничего стоящего там не нашел. У выхода из магазина ко мне подошел мужик и предложил книжку красивую. Я сначала очень обрадовался, но он сказал, что отдает только оптом. И убедил купить 10 экземпляров, объяснив, что излишек я мигом продам тут же по цене покупки. У меня не было выхода, уж очень понравилась книжка, и время поджимало. Не успел я купить книжки, как меня задержали мильтоны. Я и продать не успел ничего. В результате – ни книг, ни денег!». Присущая Петьке простецкая манера изложения вкупе с оживленной жестикуляцией произвела на высокую комиссию самое положительное впечатление.

Последующее мое «яркое и убедительное» выступление: «раз ничего не продал, то никакой спекуляции не было!», активно поддержали остальные ответственные члены комиссии, ещё подобных дел не разбиравшие. Из патовой ситуации комсомольский «синедрион» вышел с честью: на всякий случай, а скорее для «отмазки», виновному вкатили выговор, чтоб «был бдительней в будущем» и отпустили с миром. Хорошо, что никто из членов комиссии не ведал, что мама Петруччио работает в типографии издательства «Детгиз», и он регулярно снабжает близких друзей книжными раритетами.

* * *

На пятом курсе студентам объявили, что ввиду исключительной востребованности Армией полученной нами специальности, на весь выпуск пришел запрос из Министерства Обороны, поэтому нет смысла суетиться насчет перспективного распределения. В аудитории Военной кафедры каждому курсанту выдали стандартный бланк, на котором типографским способом уже была напечатана торжественная фраза «Прошу призвать меня в ряды Советской Армии» и оставалось только вписать фамилию, имя, отчество и прочие данные. Правда, в нижней части судьбоносного документа под строчкой «но прошу отсрочки» имелось четыре узеньких графы с возможными причинами: семейное положение, родители, аспирантура и состояние здоровья. Я мелким убористым почерком плотно заполнил три из предложенных вариантов: молодая жена ждет ребенка, престарелые родители нуждаются в опеке и, главное – состою на контрольном учете у институтского врача-невропатолога вследствие многочисленных черепно-мозговых травм. Причем, памятуя, что честность – лучшая политика, в каждом случае практически не слукавил.

Особым весельем отличился сокурсник из параллельной группы, добавив частицу «НЕ» перед основной фразой. Дойдя до его заявления, грозный начальник кафедры полковник Пирогов добродушно предложил: «Курсант Имярек, давай будем считать, что ты – просто ... удак! Иначе....». И Имярек переписал как нужно. Проглядев всю стопку, полковник отложил три бланка, включая мой, и недовольно подытожил «Здорово окопались!».

И, хотя практически накануне защиты дипломов Министерство Обороны поголовный запрос сняло, большинство моих соучеников добровольно пошли стеречь наше мирное небо

в подземные бункера на восточной окраине нашей Родины. Петруччио также отправился выполнять почетную обязанность, и наши пути разошлись.

* * *

Мой любимый тестюшка числился за Министерством Внешней Торговли и регулярно выезжал в длительные зарубежные командировки. Существенно позднее, сложив известные факты, я понял, что он никакого отношения к торговле не имел, но служебным кабинетом располагал в высотном здании на Смоленке. После затяжного пребывания в Бангкоке у тестя сильно подсело зрение, и лечащий врач прописал специальные поддерживающие капли, изготавливаемые провизором на заказ. В периоды последующих вояжей старшего родственника я регулярно подвозил лекарство по предварительной договоренности в Министерство для дальнейшей ему переправки.

Как правило, осуществив дорожную передачу, я заглядывал в «Пиво-Автоматы» в Троилинском переулке, где даже подружился с симпатичной возрастной кассиршей из окошка размена денег. После трех-пяти кружек она очень напоминала мне дорогую тещу. Посетители пивной сильно разнились: от грузчиков небезызвестного Смоленского Гастронома в замызганных синих халатах до выделяющихся солидным импортным «прикидом» ответственных сотрудников МИДа. Один из последних регулярно встречался там с младшим братом, судя по разительному сходству, и, открыв престижный кейс-дипломат, извлекал оттуда два бутерброда с черной икрой и плоскую фляжку импортного виски, в то время как младшенький подносил от автоматов четыре бокала с пенным.

Как-то уже за второй кружкой пива я неприлично пристально загляделся на персонажа, показавшегося смутно знакомым. Он окликнул меня первым. Юрка! С параллельного потока! Разговорились, вспомнили бывших однокурсников, и выяснилось, что он учился в одном классе с Петруччио, с которым дружит по сей день: «Да ты подожди! Скоро он и сам подойдет!». Я удивился: «Да он же в армии! Ему еще год служить! Или он в отпуске?». Собеседник развеселился: «Уволился вчистую! Да он сам Тебе все расскажет!». Но время шло, Петр не объявлялся, а пиво текло рекой.

После того, как Юрка сбегал в «Смоленский» за белой, и «ёрш» оказал свое действие, моего собеседника понесло: «Петьку, в отличие от остальных, направили в Закавказье. „Дан приказ ему на Запад!“. Там, в отдаленном горном гарнизоне служили большей частью жители окружающих аулов, и Петруччио просто купался в подтаскиваемой подчиненными после отлучек домой виноградной шестидесятиградусной чаче. Вдобавок, он не на шутку схлестнулся с женой непосредственного начальника, капитана. Вспыхнула горячая любовь, регулярно подогреваемая вкусным крепленным напитком. Когда капитан укатил в месячную командировку в Москву, любовники совершенно обезумели, потеряли всякий страх и вытворяли „невообразимое“, совершенно уже не скрываясь. После возвращения рога носца, супруга предпочла повиниться и вернуться в „советскую семью, образцовую²⁵“. Петька ужасно переживал предательство любимой, скрашивая накатившую тоску усиленным злоупотреблением, что очень раздражало капитана, и так „затаившего в душе некоторую грубость²⁶“. Чаша его терпения переполнилась после вопиющего происшествия. Ветреная капитанша решила на последнее, утешающее Петра свидание, „чтобы расстаться друзьями“. Потерявший голову лейтенант от нахлынувшего счастья сначала чуть не тронулся рассудком, но, после „сумасшедшего таинства любви“, особенно больно ударило внезапное сообщение о полном крахе его надежд. И, сняв первый шок привычным средством, Петруччио выгнал вероломную из комнаты „в чем

²⁵ Цитата из А. Галича

²⁶ Цитата из М. Зощенко

мать родила“ и в таком виде гонял ее вокруг гарнизонного клуба с соответствующими комментариями. Далее последовал офицерский суд чести, „срывание погон“ и окончательный разрыв с Советской Армией».

Потрясенный эпическим повествованием и шекспировскими страстями, я усугубил и, как следствие, не озаботился выяснением у Юрия номером его и Петькиного телефонов. В последующие заходы в полюбившуюся пивную ни того, ни другого не встречал, и уже не рассчитывал когда-либо увидеть Петруччио.

* * *

Сразу после Нового 2019 Года меня выискал один из сокурсников: «В феврале исполняется 40 лет выпуска. Есть предложение собраться!». Путем невероятных усилий двое активистов смогли локализовать две трети нашего потока. И в середине марта мы, наконец, встретились. Большинство однокашников я не видел все 40 лет. Народ, конечно, внешне сильно изменился, но через двадцать минут всё «вернулось на круги своя», как и не расставались.

Среди остальных Петруччио выделялся поджаростью и молоджавостью. Толком поговорить не удалось из-за радостной сумбуρνости общения, непрерывно прерываемого все новыми прибывающими участниками встречи. Но основные вехи жизненного пути Петька успел осветить: длительная работа на «ящике²⁷», запоздалая женитьба, скоротечный развод, «трезвость – норма жизни» последние два десятка лет и три года заслуженного пенсионерского отдыха на подмосковной даче. Последствия плачевно завершившейся любви армейской поры преследовали Петра очень долго и еще не раз отрицательно аукались в дальнейшей жизни, но «если бы было можно – я бы все повторил сызнова!». Расцвечивать речь неожиданными взмахами длинных «грабок» он так и не отучился.

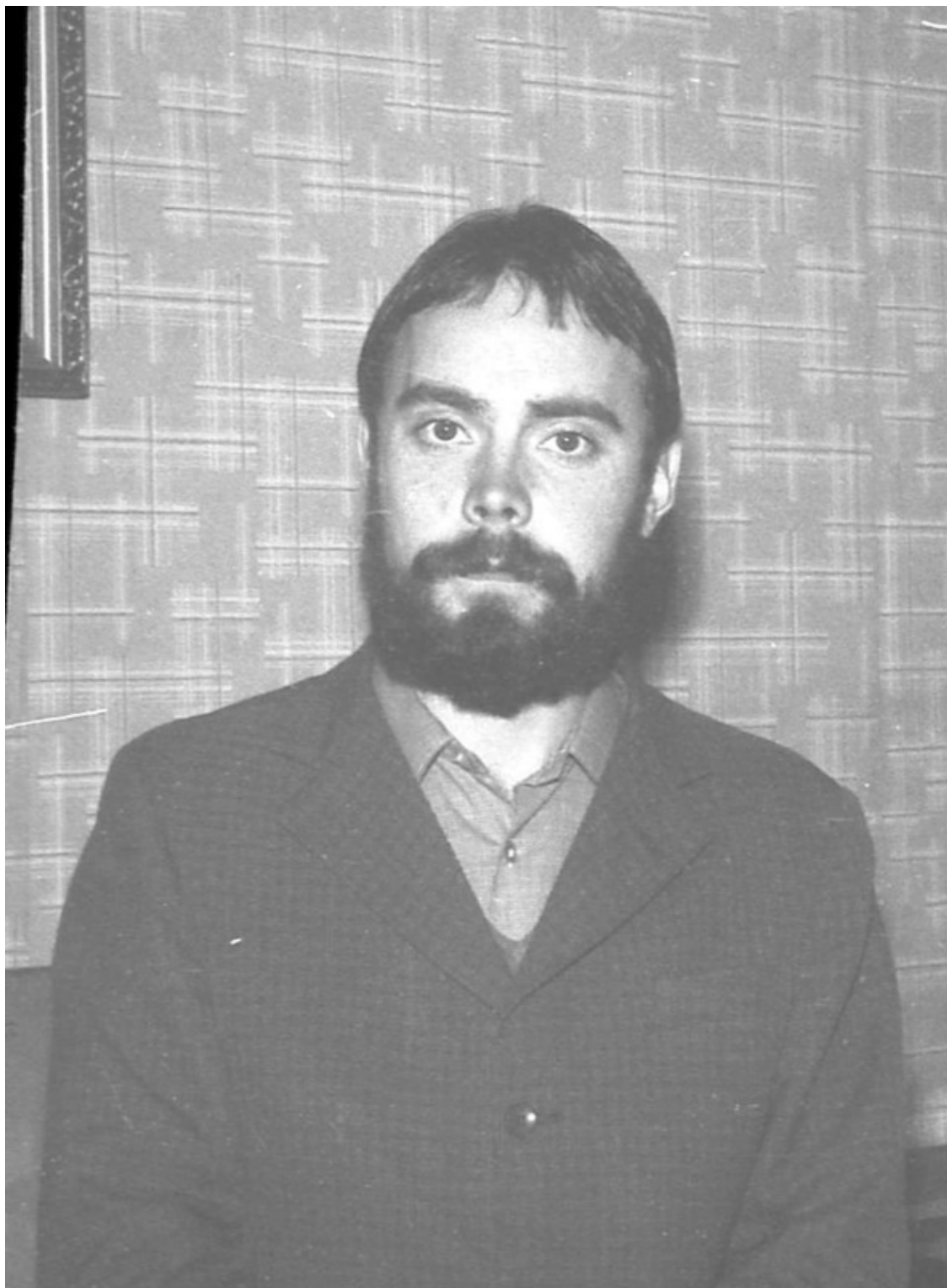
²⁷ Оборонный завод

Из цикла: Моя Москва и ее обитатели

Красная книга «спасения на трубах»

В юношеские годы ближний ареал моего времяпрепровождения простирался от парка Коломенское на юге до Таганской площади на севере. Но большая часть досуга приходилась на окружность существенно меньшего радиуса, ограниченную с одной стороны началом Автозаводской улицы и Новоспасским монастырем с другой. Все дворы и закоулки в этом пространстве были изучены до мелочей.

Праздновать начало лета мы начинали 1-го Мая, когда Вовка «Афанасий» сменял зимнее облачение типа «лишенец», надеваемое первого сентября, на летнюю униформу «хроник». Теплый прикид был искусно составлен из заношенного серого «интеллигентского» пальтеца, облезлой кроличьей шапки с опущенными ушами и дополнен дедовыми валяными ботами «финский партизан». Весенне – осенний гардеробчик представлял собой застиранную майку-алкоголичку неопределяемого цвета, синие треники с вытянутыми коленями и обшарпанные коричневые сандалеты.

В Вове через край была тяга к эпатажу и требовала реализации ярко выраженная актерская жилка. Остальные члены дворовой «могучей кучки» не могли похвастаться столь явным пренебрежением общепринятыми нормами и наряжались, как большинство наших сверстников той поры: щёголи – в единственные, добытые путем невероятных ухищрений джинсы и батник, остальные – в беспартийные брюки и рубаху.

* * *

Долгими летними днями мы нарезали круги по любимым местам района с эпизодическими посещениями общепитовских точек разлива, и время от времени выбирались пофордыбачить (по Вовкиной терминологии) в центр – на улицу Горького или Калининский проспект – себя показать и на других посмотреть. Внешний вид «Афанасия» вызывал «фурор» на Тверском бульваре, где он норовил завладеть вниманием прогуливающих модных «центровых» барышень. Как правило, их кавалеры с недоумением, на грани тихого ужаса озирали веселую компанию, хотя нам самим казалось, что мы ничем им не уступаем. Ближе к вечеру мы возвращались в «родные пенаты» и направлялись праздновать жизнь за дружескими беседами и с юношескими восторгами в укромные, мало кому известные закутки Пролетарского ландшафта.

Практически напротив дома «Афанасия», вплотную к историческим «Алешинским казармам», где по слухам расстреляли товарища Берию, располагалось «Крутицкое подворье». В нем шел перманентный крупномасштабный ремонт. Глубокие котлованы вкупе с терриконами выкопанной глины, нагромождениями бетонных блоков и сложенными горой большого сечения трубами создавали идеальное местечко для товарищеского употребления бодрящих напитков, со всех сторон укрытое от бдительных милицейских взоров. «На трубах» стало излюбленной точкой дружеских посиделок в сухую теплую погоду.

Однажды в родительском книжном шкафу я наткнулся на изрядных размеров поблекший темно-красный фолиант «Краткий курс Истории ВКП (б)» 1938 года издания. Во-первых, в книге обнаружилось множество интересных и совершенно неизвестных фактов, а, во-вторых, мне очень понравилось использовать ее в качестве удобного сиденья во время товарищеских застолий в неприиспособленном интерьере.

Особый статус этот книжный раритет приобрел после того, как чрезвычайно рьяный патруль стражей закона пробрался за предохранительное ограждение и застиг нас врасплох в процессе распития. На провокационный вопрос старшего сержанта: «А что это вы здесь делаете?», я уверенно ответил: «Готовимся к экзамену по истории КПСС!» и в подтверждение протянул «учебник». Зачитанный неподъемный том произвел на блюстителя порядка ошарашивающее впечатление. «Дуйте отсюда! И чтоб я вас больше здесь не видел!», – и обошлось без приводов и штрафов.

В дальнейшем те же бдительные стражи неоднократно вылавливали нас в самых различных «неподобающих» местах: на задах Московской офицерской гауптвахты с чудесным видом на Москву-реку, у Новоспасского заброшенного монастырского пруда во время нетрезвого катания на самодельном плоту, в роли которого выступала полуторная дверь от подъезда соседней «сталинской» девятиэтажки. И даже в районном Детском Парке в момент преодоления забора на территорию фабрики «Удочка», до этого принадлежавшей Симоновскому монастырю, но, едва завидев изрядно потрепанную «Красную книгу», хохотали в голос и отпускали «на все четыре стороны», правда, с не самыми приятными напутственными комментариями.

* * *

Несколько лет спустя, в день своего двадцатипятилетия я возвращался со службы домой, где меня ожидали за праздничным столом любимая жена и тесть с тещей. В трамвае 12-го маршрута я встретил Алку, бывшую одноклассницу младшего брата, совмещавшую тогда учебу на вечернем отделении истфака МГУ с работой на идеологически важном посту – экскурсоводом Музея Ленина. Плотная и спортивная девица проживала в соседнем доме и сизмальства отличалась веселой отчаянностью. В девятом классе с целью улучшения густоты

волос она обрилась наголо к ужасу родителей и педагогов, но, поддавшись их уговорам, ходила на учебу в платочке. Алла очень нравилась нашему Отцу, ежедневно по дороге на службу встречавшему ее в любую погоду-непогоду в тонком физкультурном костюме на утренней тренировочной пробежке.

«Что такой грустный?», – звонкий девичий оклик вырвал из полудремы, овладевшей мной после обязательного spryskivaniya юбилея в родной лаборатории. Узнав о круглой дате, Алка предложила обмыть это дело немедленно, не «откладывая в долгий ящик». На нашей остановке мы дружно проследовали в винный, где приобрели бутылочку «Столичной» и большой брикет «Пломбира» за 48 копеек в мороженом ларьке неподалеку. Яблоневый сад соседней 13-ой Горбольницы послужил логичным местом для дальнейшего употребления. В середине января в его дальнем уголке нетронутый снежный покров доходил до пояса, дворник, видимо, туда не забредал. Мы не стали углубляться в дебри, а немного отступив из прямой зоны видимости, приступили к празднованию.

Отец не зря одобрял Алкины закаливающие процедуры: на морозном воздухе водку из горлышка она пила играючи, с удовольствием закусывая мороженым, отгрызая от брикета. Под товарищеские беседы мы залихватски ополовинили бутылку, что отрицательно повлияло на бдительность. В момент очередного глотка меня чуть не за руку ухватил смутно знакомый персонаж в форме: «Распитие?! Придется проследовать!». На протестующий Алкин возглас: «Мы же День Рождения отмечаем! Круглую дату! Четвертак!», он нравоучительно отрезал: «Дома, за столом надо праздновать!», но, следующая девичья реплика «Так дома же жена!» поставила его в тупик. Нахмурившись, он внимательно в меня взгляделся и расплылся в улыбке: «Это ты что ли, любитель истории партии?! Давненько не встречались!». И, даже не потребовав исчезнуть из его поля зрения, махнул напарнику, и они скрылись в сгустившихся зимних сумерках.

* * *

Обещанный к 1980 году коммунизм так и не наступил, давно сменился строй, пролетели две декады нового тысячелетия. Нескончаемый ремонт на Подворье завершился в конце прошлого века, и теперь там ровными рядами бродят организованные туристы. Монастырь вернули церкви, а на облагороженном пруду летом можно увидеть белых лебедей.

К счастью, упомянутые в рассказке персонажи живы-здоровы и даже бодры и веселы. А замечательная «Спасательная» Книга до сих пор занимает заслуженное место на книжной полке, ожидая очередного читателя и напоминая о былых юношеских проделках.

Причудливые явления любви

Сережка «Левис» обладал потрясающим даром. При непримечательной и совершенно не выдающейся внешности, он умудрялся знакомиться и убалтывать на продолжение и углубление отношений практически любую барышню. Редкий талант затмевал сладкоголосого и медоречивого героя рассказа О'Генри²⁸. При этом Сережку нельзя было назвать всеядным – он выбирал только замечательные «экземпляры». Левис, второкурсник Института Связи, уже больше года проживал недалеко от Полежаевской, но много времени проводил на Калине²⁹, районе своего детства и юношества. Его мама трудилась завучем иностранного языка во французской спецшколе в Арбатских переулках, которую Сергей и закончил. По межкультурному обмену в составе группы соучеников он неоднократно посещал Францию, что объясняло эксклюзивный прикид, наградивший его прозвищем. В изделия известной фирмы «Levi's» Сережка был упакован с головы до ног.

* * *

Мой бывший одноклассник и дружок Вован со второй попытки поступил в МИСИС. На первых курсах учебной не перегружали, и два-три раза в неделю после занятий мы с ним встречались на станции Метро «Арбатская». А оттуда следовали в модный «Новоарбатский» Гастроном, где закупались вином «Рымникское», длинным батоном за 22 копейки и майонезной банкой соуса «Южный». Далее – переулками на Суворовский бульвар к дореволюционной доходной многоэтажке, в подъезде которой я случайно обнаружил³⁰ огромные подоконники у высоких окон.

Удобно разместившись на прохладном граните тускло освещенной площадки между четвертым и пятым этажами, мы с Вованом с удовольствием употребляли сладковатый десертный напиток, закусывая макаемым в соус батоном, и захлеб делились новыми институтскими впечатлениями, вспоминали школьные годы и обсуждали всевозможные интересующие темы. Однажды наши посиделки нарушила веселая троица – два мальчугана и девушка. Самый резвый предложил немедленно покинуть полюбившееся местечко, заявив, что этот «парадняк» – их вотчина, ибо проживают они по соседству. Я долго не раздумывал. В начале третьего семестра как раз выиграл факультетский турнир по боксу и чувствовал себя весьма уверенно. Обоих кавалеров девушка увела под руки с разбитыми в кровь носами и бурчащими о неотвратимом возмездии. В тот вечер мы не стали засиживаться во избежание возможного матча-реванша с превосходящими силами.

²⁸ «Среди текста»

²⁹ Калининский проспект – ныне Новый Арбат

³⁰ На первом этаже здания размещалась кафе «Русский чай», и как-то после его посещения мы с барышней, чтобы не гулять под разразившимся ливнем, заскочили в соседнюю дверь и открыли исключительно укромное и при этом комфортное местечко для уединения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.